

Глава 25: Ты мне всегда нравился

Затылок обжигало тёплое дыхание.

Разгоряченная кожа покрылась красными пятнами, а гиацинтовые глаза намокли.

"Ах," — учащенное дыхание от быстрого бега касалось шеи, заставляя Цзи Юньтина подсознательно ахнуть.

Этот вздох прозвучал двусмысленно, и его было достаточно, чтобы их лица покраснели ещё больше.

Но его дыхание полностью сбилось, Цзи Юньтин с трудом поднял одну из своих рук и прикрыл рот.

Таким образом, эти звуки больше не будут издаваться.

Однако это резкое действие не успокоило его беспорядочное дыхание, напротив, его грудная клетка вздымалась ещё сильнее. Он не смог удержаться и вытянул красиво шею.

Наклоненная голова легла на шею человеку позади, пот, вызванный физической активностью, стекал по их коже, вытираясь и становясь подобно смазке, использующейся для трения.

Талию крепко сжали, будто железной цепью, грудь поднималась и опускалась, как у умирающего оленя, и каждый резкий короткий вдох заставлял спину и грудную клетку соприкоснуться, постоянно напоминая Цзи Юньтину о реальности, что невозможно игнорировать—

Гу Фан крепко держал его сзади.

Усиливающийся жар и удушающее дыхание почти заставили Цзи Юньтина погрузиться в сон.

Белые дверные панели и потолок постепенно расплывались перед ним, и легкий аромат холодного белого мха окутывал, проникая в нос и сохраняя последние остатки разума.

"..."

Большая ладонь, высунувшаяся из-за спины, поднялась за рукой Цзи Юньтина вверх, холодная температура кожи другого человека заставила его подсознательно задрожать. Ощущать чужие прикосновения так прекрасно, как будто движущийся поезд и железнодорожные пути касаются друг друга, из-за чего во все стороны летят искры.

Запястье сжали, и рука мягко, приложив немного больше, чем нужно силы, оторвала конечность от рта, прежде чем Цзи Юньтин задохнулся.

Рыба, выброшенная из воды, вернулась в океан.

Цзи Юньтин, запыхавшись, хватал ртом и носом свежий воздух, его сознание затуманилось.

Поэтому он перевернулся в руках Гу Фаня и, уткнувшись лицом в его грудь, сел рядом с ним на кровать. Всё казалось таким расплывчатым, как сон, из-за чего он лишился бдительности.

Только когда картинка перед ним медленно вернулась в нормальное состояние, и перед ним оказались не дверь и потолок, Цзи Юньтин начал здраво мыслить.

В следующую секунду тень упала на него, и он ошеломленно поднял голову, физиологические слёзы, заполнившие его глаза, затуманили зрение, позволяя видеть только фигуру, склонившуюся к нему.

Прежде чем он смог как следует разглядеть лицо, его сердце забилось сильнее.

Потому что он очень хорошо знал, кто этот человек.

Приближение другого человека ощущалось сквозь туманную завесу, холодный аромат коснулся кончика его носа, подсказывая, что температура рядом, удушье и крепкие объятия — не иллюзия, вызванной недостатком кислорода.

Расстояние между ними становилось всё ближе и ближе, пока слёзы больше не могли размывать чужие черты лица.

Сквозь пелену слёз он мог видеть брови, переносицу и губы Гу Фаня, под туманной завесой он больше походил на прекрасного парня из сна.

Цзи Юньтин не смог сдержаться и заморгал.

Водяная завеса неожиданно рассеялась, и красивое лицо прояснилось, дюйм за дюймом сцена перед ним становилась всё ярче.

Такое чувство, будто невидимая стрела попала в сердце.

Создатель мира любит этот мир, но больше отдаёт предпочтение Гу Фаню. Вырезая это лицо, он не колебался и отдал ему самое лучшее.

Гу Фан поднял на него глаза, его длинные, густые ресницы напоминали крючки, цепляющиеся за него и погружающие в забытие.

Прежде чем Цзи Юньтин вновь был очарован, возможно, из-за его жалкого и милого вида, ресницы Гу Фаня затрепетали, а он сам протянул руку, касаясь уголков чужих глаз.

Прохладные пальцы коснулись ресниц.

Сердце подпрыгнуло, мокрые ресницы коснулись пальцев.

Видя нервозность Цзи Юньтина, Гу Фан лишь мягко улыбнулся.

Кончиками пальцев он провёл по чёрным как смоль ресницам Цзи Юньтина, что промокли и слиплись от слёз, вытирая влагу с уголков блестящих гиацинтовых глаз.

"Так лучше?" — Вопросил Гу Фан.

Цзи Юньтин кивнул с ошеломленным выражением лица.

Глаза, омытые слезами, выглядели прекрасно и чисто, как стеклянные бусинки. На нефритово-белом лице местами показывались красные пятна, кожа, казалось, может треснуть от касания.

Господин Цзи, казавшийся таким спокойным, в душе не мог успокоиться.

Так лучше?

Лучше от этого не стало!

Смущение и стыд переплелись в какую-то сложную эмоцию, охватившую его колотящееся сердце.

Всё это походило на сон! Но если бы он действительно спал, мечтал бы о большем.

Сердце радостно било в барабан, будто извещая о победе.

Чему это я радуюсь? Эй!

На этот раз клубничный торт получился слишком сладким, это явно не общение между фанатом и айдолом.

Что же это такое? Цзи Юньтин внезапно перестал понимать.

Но в нынешней ситуации он явно не мог медленно размышлять, его прыгающее сердце бешено колотилось в груди от быстрого бега.

В конце концов успокоившись.

Его разум успокоился, и вещи, игнорируемые им, стали яснее.

Например, чтобы мама не успела показать его фотографию в юбке, Цзи Юньтин, не раздумывая, побежал в свою комнату, утащив за собой Гу Фаня, закрыл дверь и вздохнул с облегчением, забыв о внешнем виде своей комнаты...

Бледно-розовые стены, стол, заваленный вязаными цветами, кружевное одеяло в цветочек.

Это так по-девчачьи!

Но Гу Фан, очевидно, уже давно рассмотрел комнату, из-за чего на сердце у Цзи Юньтина вновь стало беспокойно, будто его погрузили в маленькую лодку, покачивающуюся на ветру и волнах.

Всего за мгновение его сердце испытало совершенно разные эмоции.

Всё нормально.

Цзи Юньтин набрался смелости поднять глаза как раз вовремя, чтобы увидеть взгляд Гу Фаня, направленный на стол.

На столе лежало несколько фотографий, которые Цзи Юньтин оставил в прошлый раз: ребёнок на фотографии одет в розовое, а на голове у него повязка с клубничками. Он напоминал сладкое пирожное. На другом фото запечатлён старшеклассник, одетый в школьную форму в бело-голубую полоску, тот сидел за партой с книгой в руке, гиацинтовые глаза открыто светились нежной улыбкой.

Однако всё внимание Цзи Юньтина было приковано к этой детской фотографии.

Чёрт! Эти фото! Он забыл положить его обратно!

Господин Цзи почувствовал себя глубоко уязвленным брошенным бумерангом, на этот раз не успел ничего скрыть.

Его властное поведение... в конце концов... пропало...

Цзи Юньтин не мог не взглянуть на выражение лица другого человека, но застал лишь его спину, стоящую у стола. Солнечный свет, льющийся из квадратного окна, отбрасывал красивые блики и тени на его широкие плечи и изящную спину.

Картина казалась не реальной, будто в следующую секунду исчезнет.

Непогода в его сердце усилилась, медленно сгустились густые и тяжелые тёмные тучи, в центре океана образовался огромный водоворот, погружающий плывущую лодку в бездонную пропасть.

Стало тихо, даже птицы на деревьях перестали щебетать.

"...Это странно?" — Голос Цзи Юньтина нарушил тишину, его взгляд упёрся в спину.

Это странно, верно?

Он, крупный мужчина, на самом деле в тайне любит розовые вещи и даже намеренно скрывает их.

Гу Фан подумает, что он постоянно лжёт?

Он скрывал всё это, даже тот факт, что является поклонником Гу Фаня и играет идеального гендиректора в понимании обычных людей.

Намеренно похороненные, болезненные воспоминания безжалостно вырвались на поверхность.

Тот присел на корточки и поднял его любимую игрушку — розового мишку, однако мишка, которого так лелеял, был разорван, вата на животе помялась и испачкалась чернилами. Однажды зачинщик драки посмеялся над ним: "Хахаха, почему у тебя на кровати детская игрушка? Пожалуй, я помогу тебе решить эту проблему!"

Отец и мать Цзи тоже не знали об этом.

В конечном итоге Цзи Юньтин ударил того человека, отчего у того потекла кровь. Но любимого розового мишку починить было уже невозможно.

На самом деле, он уже почти забыл об этом, забыл, кто тот неприятный человек.

Однако злобный смех с издевкой и разорванный розовый мишка стали занозой в сердце, даже

если покрыть слоями мягкой глазури, её можно лишь подпилить, существование этой занозы нельзя по-настоящему забыть.

Это нормально — любить такие вещи. Это не имеет ничего общего с полом. Любая раса и пол имеют право свободно выражать свои мысли.

Человек — это животное, способное объясняться, и он старался изо всех сил объяснять свою позицию. Но объяснения казались тонкими, как лист сахарной бумаги, что можно легко проткнуть и проглотить.

Поскольку этот человек очень важен для него, ему страшно, что это может оттолкнуть его.

Он надеялся, что будет настолько совершенным и неуязвимым, что ни у кого не будет причин докапываться.

Он восхищался кумиром перед ним. Каким бы могущественным обычно не казался господин Цзи, сейчас он не мог помешать раскрытию.

Ему не казалось это странным, но что насчёт Гу Фаня?

Но тот по-прежнему молчал, и это длилось довольно долго.

"...Мне очень жаль, — сердце Цзи Юньтина упало от переживаний. — Я..."

Однако, прежде чем он закончил говорить, застывший Гу Фан обернулся.

Гу Фан на солнце был подобен Богу. Он смотрел на него без тени отвращения или других негативных эмоций.

"Не стоит извиняться," — Гу Фан подошёл к Цзи Юньтину, и свет из квадратного окна осветил их и всю комнату.

Светло-розовые стены, освещенные солнцем, выглядели прекрасно, зелёная лиана, вьющаяся по окну, будто по качелям, кружево, свисающее с одеяла, завораживает — всё это прекрасно, как в сказке.

"Мне очень нравится," — ресницы Гу Фаня порхали, словно бабочки, и, произнеся эти слова, он заставил сердце другого человека бушевать.

Перевернувшись и ушедшая на дно лодка взлетела вверх и взмыла прямо в небо.

Что тебе нравится?

Ему нравится розовый цвет, юбка-пачка в горошек, квадратное окно, из которого видны розовые кусты роз.

Ещё ему нравится...

Цзи Юньтин посмотрел прямо в глаза Гу Фаню, отражаясь в полупрозрачных янтарных зрачках—

Его лицо.

"Мне всё нравится," — возможно, шок и сомнение в глазах Цзи Юньтина были слишком очевидны, потому Гу Фан с улыбкой добавил.

Улыбка была такой заразительной, что уголки рта сами невольно приподнимались.

"Ну, тогда..."

"В этом нет ничего удивительного."

Цзи Юньтин, обрадовавшийся ответу, хотел было найти другую тему для разговора, однако чужие слова, очевидно, говорили о нежелании продолжать.

Гу Фан не мог не заметить его нервозность и страх.

В этот момент Гу Фан также осознал, что хотел сказать ему тогда Цзи Юньтин.

Тема, изначально казавшаяся отброшенной, вновь была поднята, заставляя Цзи Юньтина чувствовать себя неудобно.

"Но... многим людям это кажется очень странным," — Цзи Юньтин отвернулся.

Хотя не имеет значение, что думают люди, общество целиком и полностью состоит из сплетен, способных утопить и уничтожить даже его.

Вместо того чтобы порождать неконтролируемые споры, лучше показывать меньше, чем есть на деле.

Поэтому Цзи Юньтин даже не упоминал об этих увлечениях отцу и маме.

Цзи Юньтин не хотел вновь мучиться в ожидании суда.

Отвернувшись он не мог видеть Гу Фаня, но мог ощущать схватившую его руку, что согревала теплом.

Дрожа, как от ожога, Цзи Юньтин обернулся.

Он сидел на краю кровати, пока человек перед ним сидел на корточках и держал за руку, глядя снизу вверх.

Глядел на него снизу вверх.

Можно было ясно рассмотреть мелкий пушок на лице Гу Фаня, глаза были белые и чистые, чёрные зрачки — ясными, но они, казалось, были обжигающими.

"Когда я вернулся в Китай, чтобы записаться на то шоу, некоторые люди говорили, что моя мечта несбыточная," — Гу Фан опустил глаза, его чёрные как смоль ресницы отбросили тень.

"Как это может быть! — Цзи Юньтин сжал руку Гу Фаня, его голос от нетерпения повысился на несколько децибелов. — У них нет глаз, чтобы увидеть ценность твоих мечтаний. Теперь ты большая звезда. Даже если бы ты не стал большой звездой, всё равно нравился бы многим людям! По крайней мере, точно мне! Ты всегда будешь мне нравиться!"

Цзи Юньтин хотел сказать ещё несколько слов, но Гу Фан, серьёзно смотревший на него, улыбнулся, и он внезапно растерялся, не в силах произнести хоть что-то.

Его лицо налилось жаром, он понял, что ляпнул.

Он опустил глаза и прошептал: "Любовь к розовому и мечты — это разные вещи."

Само слово «мечта» имеет огромное множество значений, каждая мечта заслуживает уважения.

Но ему нравится розовый и милые вещи, это маленькое хобби, не больше. Оно слишком мало, чтобы упоминать о нём вслух и спорить, это всё равно что делать из мухи слона.

Но тон Гу Фаня звучал серьёзно, он крепче сжал руку Цзи Юньтина, передавая свою силу.

"Любить розовый — то же самое, что и мечтать. Любить клубничный торт — это то же самое, что любить чтение и спорт. Это одна из твоих отличительных черт, заставляющая тебя блистать. Причина, по которой радуга так прекрасна, заключается в её необычном

разнообразии цветов. Пожалуйста, помни об этом, Цзи Юньтин, неважно, какие у тебя увлечения, любишь ли ты розовый или клубничные торты, мне тоже..."

Золотой луч света из окна окутал их, точно, как красные бархатные занавески, что упали в тот день на званом ужине.

Гу Фан, изначально сидевший на корточках, опустился на колени между его ног. На этот раз две пары глаз смотрели прямо друг на друга, бесконечно близко.

"Ты мне всегда нравился."

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/14929/1326805>